

К его удивлению, отношение Лю Ли оказалось на редкость невозмутимым.

Иногда, уловив пару обрывков подобных разговоров, она даже присоединялась к всеобщему подтруниванию: — Вообще-то, мне и самой любопытно, действительно ли Ин Мин что-то ко мне чувствует.

Разобрать, шутит она или говорит всерьез, было невозможно.

Окружающие привычно воспринимали это лишь как попытку подшутить над Ин Мином, и только сам Ин Мин находил происходящее несколько странным.

В день официальных съемок репортеров собралось действительно немало.

Для съемочной группы это было даже на руку: любая кинокартина боится не скандалов, а пресного хайпа. Пока шумиха идет на пользу продвижению, ее будут выжимать до последнего.

Ин Мин почти всю первую половину дня прокурил.

Режиссер с улыбкой поинтересовался, не нервничает ли он, но тот лишь молча улыбнулся в ответ.

В душе он считал происходящее какой-то дичью.

Правила этой игры он понимал, но это вовсе не значит, что они ему нравились.

Вряд ли найдется актер, которому совсем плевать на чужие отзывы о его работах, но подобное внимание несло в себе оттенок какой-то издевательской фарсовости.

Когда Лю Ли вышла в слитном платье-комбинации из тонкой ткани, вокруг поднялся изрядный шум.

Ин Мин стоял неподалеку и услышал, как кто-то из журналистов тихонько пробурчал: — С чего это в кино все похитители вечно норовят раздеть заложников? Сначала верхнюю одежду снимут, а уж потом связывают.

Выслушав это, он чуть заметно усмехнулся.

Этот вопрос, вообще-то, и его самого занимал.

Впрочем, когда съемки начались всерьез, Ин Мин полностью погрузился в работу.

Сама роль не требовала особого мастерства, да и все внимание зрителей все равно будет приковано к реакции Лю Ли — к ее слезам, крикам и попыткам вырваться. Столоооператору лишь требовалось выбрать удачный ракурс, а Ин Мину даже не нужно было делать лишних движений.

Зачастую кадры, которые на экране выглядят невероятно напряженно, на деле получаются таковыми лишь потому, что оператор сильно трясет камеру.

Актерам почти нечего было делать.

Но в этот раз все оказалось иначе.

Уже на втором дубле Ин Мин почувствовал, что Лю Ли то ли нарочно, то ли случайно трется о его тело, хотя плотная ткань одежды сглаживала ощущения.

Он нахмурился и инстинктивно отстранился, увеличивая дистанцию.

Так или иначе, в кадр попадала лишь верхняя половина тел, и тесно прижиматься нижней частью не было никакой нужды.

Лю Ли отчаянно сопротивлялась, ее грудь почти полностью обнажилась.

В итоге из-за слишком откровенного содержания режиссер потребовал переснять сцену. Окружающие репортеры, разумеется, не упустили возможности: выключив вспышки, они принялись яростно щелкать затворами. Раздраженно поморщившись, Ин Мин уже хотел отступить назад, но окрик режиссера подойти ближе заставил его остаться на месте.

Пользуясь паузой, Лю Ли лукаво улыбнулась ему: — Ин Мин, ты случаем не по мужчинам?

Ее платье съехало больше чем наполовину, ноги были практически не прикрыты тканью, и она вальяжно раскинулась на диване, источая сплошной соблазн. Ин Мин лишь бросил на нее беглый взгляд и, склонившись ближе, бросил в ответ: — Дело не в том, нравятся ли мне мужчины, а в том, что ты не способна вызвать во мне никакого интереса.

Лицо Лю Ли не дрогнуло.

Со стороны могло показаться, будто они мило о чем-то шепчутся.

Если бы к этому кадру еще добавить подходящие по смыслу реплики о том, как они нагнетают напряжение перед дублем, наверняка нашлись бы те, кто в это поверил.

Чем сильнее Лю Ли сопротивлялась в подобных сценах, чем больше жертвовала ради роли, тем громче окружающие восхищались ее преданностью делу. Ин Мин же, хоть почти не двигался руками и ногами, все равно рисковал прочесть о себе в газетах всякую гадость.

Вроде того, что страсть вышла из-под контроля, плотские желания взяли верх, и тому подобный бред — додумать несложно.

Простую постельную сцену переснимали раз двадцать, и только когда репортеры наконец насытились кадрами, режиссер скомандовал отбой, объявив дубль успешным.

Ин Мин отскочил назад в ту же секунду, как режиссер подтвердил завершение сцены, и его отношение считывалось без всяких очков.

Лю Ли неторопливо привела одежду в порядок, поднялась с дивана, виновато улыбнулась остальным журналистам и, даже не подойдя к монитору проверить материал, быстрой походкой скрылась в гримерке.

К Ин Мину тут же подскочили репортеры с расспросами о том, каково это — сниматься в подобных сценах.

Ин Мин усмехнулся: — Примерно как упасть с крыши.

— Ты хочешь сказать, что это было очень захватывающе?

— Я хочу сказать, что Лю Ли дерется довольно больно.

Бросив эту фразу, он отмахнулся, давая понять, что продолжать разговор не намерен, и тоже ушел.

Дальше, разумеется, настало время режиссера с его дежурными фразами о невероятной самоотдаче Ин Мина и Лю Ли, о масштабности инвестиций этого фильма и о том, что результат непременно превзойдет все ожидания.

В конце концов, все они подписали контракты на продвижение.

Содействовать раскрутке фильма — прямая обязанность каждого, и никто не мог возразить.

С того дня Ин Мин старался держаться от Лю Ли подальше: ел в стороне, при выходе избегал пересекаться, хотя, к счастью, совместных сцен у них и так было немного, так что поводов для встреч почти не оставалось.

Эта новость попала не только в газеты, но и на телевидение.

Несколько развлекательных каналов по очереди крутили сюжеты: содержание везде отличалось, но ракурсы подбирались на любой вкус. Когда кто-то из членов съемочной группы попытался затащить Ин Мина посмотреть на это безобразие, он даже взглядом не повел и молча ушел в свою комнату.

Однако именно благодаря этому скандалчику, смахивающему на балаган,

уже через пару дней режиссер объявил Ин Мину, что его роль будет расширена.

У Ин Мина тут же возникло нехорошее предчувствие, но возразить он не успел — помощник режиссера поспешил разъяснить ситуацию: — Специально добавили сцены с развитием отношений между тобой и Лю Ли.

А вдобавок еще и пояснил: — Этого потребовали инвесторы. Ин Мин, тебе чертовски повезло.

И это они называют везением?

<http://bllate.org/book/26389/3158317>